

18+ Алексей Королевский

Преодоление

Сквозь лес к воскресению

Алексей Королевский

**Преодоление. Сквозь
лес к воскресению**

«Издательские решения»

Королевский А.

Преодоление. Сквозь лес к воскресению / А. Королевский —
«Издательские решения»,

Случайная встреча в лесу превращает жизнь городской девушки Марии в «крестный путь». Вместе с угрюмым Андреем и раненым бандитом Игорем ей предстоит пройти через болота, погоню и собственное малодушие. Это жесткая драма о том, как хрупкая вера закаляется в горниле страдания, а покаяние обретается не в словах, а в готовности положить душу за ближнего. Путь к Богу начинается там, где заканчиваются силы.

Содержание

Предисловие: Огонь, испытующий солому	6
Часть I: Столкновение миров	7
Глава 1. Городской шум	7
Глава 2. Сломанный маршрут	9
Глава 3. Выстрел	11
Глава 4. Железная хватка	13
Глава 5. Лишний груз	15
Глава 6. Первый ночлег	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Преодоление Сквозь лес к воскресению

Алексей Королевский

Иллюстратор Gemini

© Алексей Королевский, 2026

© Gemini, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0069-7669-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие: Огонь, испытующий солому

Вера в мирное время — это уютное мерцание лампы, запах дорогого ладана и мягкий шелест страниц подарочного молитвослова. Она эстетична, правильна и глубоко поверхностна. Это нарядное платье, в котором удобно гулять по ровному асфальту под весенним солнцем.

Но асфальт обрывается у кромки глухого, равнодушного леса. И когда вместо ладана в ноздри бьет острый, металлический запах чужой крови — платье рвется в клочья.

Лес не видит разницы между твоим офисным пальто и лохмотьями убийцы. Ему плевать на твои заслуги и планы. Здесь нет намоленных икон — только смрад гниющей плоти, хруст промерзшего мха и ледяное дыхание тех, кто идет по твоему следу.

Эта история не про уютный полумрак собора. Это хроника того, как «красивая» вера городской девушки Марии разбивается в кровь о железную хватку выживальщика Андрея и предсмертный бред грешника Игоря. В этом первобытном аду Бог молчит. И в этой тишине героям предстоит понять: покаяние не покупается свечой у подсвечника. Оно вырывается из груди вместе с легкими на бегу. Оно впитывается в землю вместе с грязью на ладонях.

Когда заканчиваются патроны, силы и надежда, остается один вопрос: готов ли ты стать живым, если для этого придется убить в себе прежнего?

Путь к полуразрушенной землянке старца Никодима — это не география. Это восхождение на личную Голгофу. Здесь каждый решит сам: стоит ли чужая жизнь твоей собственной? Можно ли простить врага, держащего тебя на мушке? Где заканчивается животный инстинкт и начинается вечность?

Это жесткая, порой беспощадная проза. Напоминание о том, что Евангелие писалось не для розовых гостиных, а для мира, лежащего во зле. Но именно там, где тьма становится осязаемой, свет Христов перестает быть символом. Он становится единственной нитью, способной вытащить человека из лабиринта смерти к подлинному Воскресению.

Часть I: Столкновение миров

Глава 1. Городской шум

Стекло бизнес-центра «Вертикаль» отсекало мир на две неравные части. Снаружи бесновался серый октябрьский Питер: ветер швырял в панорамные окна пригоршни мокрой крупы, а город внизу задыхался в бесконечной, багрово-красной от стоп-сигналов пробке. Внутри царил стерильный, дорогой уют — пахло пережаренным кофе из капсульной машины, антисептиком и дорогим парфюмом.

Мария поправила идеально отглаженный воротничок блузки и взглянула на часы. Пятница. Время замерло на 17:45. На мониторе светилась недописанная таблица Excel — сотни ячеек с логистическими цепочками поставок элитной сантехники. Эти цифры казались ей сейчас самыми важными знаками во Вселенной, фундаментом, на котором держался её маленький, благополучный мир.

— Маш, ты идешь? — Алина, коллега из отдела маркетинга, заглянула в кабинет, на ходу подкрашивая губы вызывающе-алой помадой. — Мы в «Будду» после шести, там сегодня диджей из Москвы и сет с устрицами. Забей на отчет, жизнь проходит мимо!

Мария улыбнулась своей мягкой, «правильной» улыбкой, за которую её ценило руководство и немного недолюбливали сверстники, считая «застегнутой на все пуговицы».

— Не сегодня, Алин. Я обещала маме заехать, у неё юбилей завтра. Да и... в общем, хотела успеть в собор. Завтра же родительская суббота, надо свечи поставить, записки подать.

Алина закатила глаза так энергично, что едва не выронила тюбик помады. — Опять твои свечки. Маш, ну серьезно, тебе двадцать пять! Ты молодая, красивая, у тебя ноги от ушей. Нашла бы себе парня нормального, драйвового, а ты иконы рассматриваешь. Ладно, спасай свою душу, а я пойду спасать свой вечер.

Алина упорхнула, оставив в воздухе шлейф приторных духов, а Мария осталась в тишине офиса. Она и сама не знала, зачем ей это нужно. Её вера была похожа на изящный фарфоровый сервиз, который хранят в серванте для особых случаев. Она считала себя «глубоко верующей», потому что знала, где в храме стоят подсвечники «за здоровье», а где «за упокой», знала пару-тройку молитв из тонкого молитвослова и всегда соблюдала пост в первую и последнюю неделю. Это была эстетичная, не обязывающая вера «мирного времени». Она создавала приятное чувство защищенности, будто у неё был эксклюзивный страховой полис от Самого Бога. Если она будет вести себя прилично и жертвовать на храм, то с ней ничего плохого не случится. Это был честный контракт.

Выйдя из бизнес-центра, она окунулась в шум города. Питер ревел. Скрежет трамваев, визг тормозов на Литейном, обрывки рекламы из динамиков — этот хаос был её естественной средой. Она привыкла к нему, как привыкают к фоновому шуму работающего холодильника.

Перед вокзалом она зашла в церковную лавку — не ту, что при обычном приходе, а в пафосную, «элитную» галерею православного искусства. — Мне платок, — тихо сказала она консультанту. — Тот, ручной росписи, с нежно-голубой каймой. Из новой коллекции.

Девушка в аккуратном черном платье достала сверток. Тончайший шелк заскользил между пальцами. Семь тысяч рублей. Месячная норма продуктов для какой-нибудь пенсионерки, но Мария не думала об этом. Она чувствовала приятное тепло в груди от этого жеста. Это было её маленькое «жертвоприношение», её личный взнос в копилку благочестия. Она представляла, как наденет его завтра в соборе, как мягко он ляжет на плечи, подчеркивая её кротость и вкус.

На вокзале царила привычная толкотня. Пахло сыростью и дешевым тестом из ларьков. Мария брезгливо поморщилась, стараясь не касаться плечом прохожих. Ей казалось, что эта суета, эти люди с их баулами и усталыми лицами — лишь декорация к её собственной, осмысленной жизни.

Сев в пригородный автобус, она прислонилась лбом к холодному стеклу. В сумке лежал новый шелковый платок, в беспроводных наушниках играл расслабляющий «ambient», а в голове крутились мысли о том, какой подарок купить маме в райцентре.

Она не знала, что этот автобус — её последний транспорт в привычный мир. Она не знала, что через несколько часов её жизнь, состоящая из графиков, латте на овсяном молоке и «комфортного православия», разлетится вдребезги.

Городские огни постепенно редели, сменяясь редкими, тусклыми фонарями пригорода, а затем — непроглядной, зловещей стеной октябрьского леса. Тьма за окном становилась плотной, почти осязаемой. Мария закрыла глаза, погружаясь в легкую дремоту под мерный гул мотора, не подозревая, что тишина, которая ждет её впереди, будет страшнее любого крика.

В сумке, рядом с дорогим платком, лежал её смартфон, на экране которого мелькнуло уведомление: «Связь потеряна».

Глава 2. Сломанный маршрут

Резкий, металлический лязг и глухой удар снизу заставили автобус вздрогнуть. Мария, дремавшая, прислонившись лбом к холодному стеклу, едва не вылетела из кресла. Мотор захлебнулся, выпустив напоследок облако сизого, едкого дыма, который мгновенно заполнил салон. Водитель, грузный мужчина в засаленной кепке, выругался так виртуозно и зло, что Мария невольно сжалась, коснувшись пальцами наперсного крестика под блузкой. В её мире — мире вежливых бариста и корректных коллег — таких слов не существовало.

— Приплыли, — буркнул водитель, распахивая двери. — Движок сдох. ГРМ порвало, а может и коленвал... Короче, хана машине.

Пассажиры — их было всего пятеро — нехотя потянулись к выходу. Мария вышла последней, прижимая к себе сумочку. Октябрьский вечер обрушился на неё колючим холодом. Здесь, в сорока километрах от города, воздух был совсем другим: влажным, тяжелым, пахнущим прелой листвой и бензином. Трасса выглядела вымершей. По обе стороны дороги стоял стеной ельник, черный и плотный, как монашеская ряса.

— И что теперь? — спросила Мария, глядя на водителя, который уже открыл капот и светил туда тусклым фонариком.

— Что-что... — огрызнулся он. — Связи тут нет, «яма». Ждите проходящий. Может, через час будет, может, к утру. Тут рейсовые редко ходят, а фуры в пятницу все уже проскочили.

Мария посмотрела на экран айфона. Пусто. «Поиск сети» — эта надпись казалась приговором. Холод пробирал сквозь модное пальто, которое было рассчитано на перебежки от такси до кофейни, но никак не на стояние на обочине в лесу. Ноги в тонких кожаных ботильонах начали неметь.

Она вспомнила, как в детстве отец возил их сюда за грибами. Где-то здесь, совсем рядом, должна была быть старая просека. Она вела напрямиком к «Красным ключам» — поселку, где жила мама. По трассе автобус делал огромный крюк в тридцать километров, огибая болотистую низину, но через лес, если память не изменяла, было не больше пяти-шести километров.

«Пять километров — это час хода», — лихорадочно соображала Мария. — «Я дойду быстрее, чем дождусь помощи. Мама волнуется, стол накрыла... А тут я, замерзшая, на дороге».

— Послушайте, — обратилась она к водителю. — Тут ведь есть тропа на Ключи?

Мужчина оторвался от мотора и посмотрел на неё как на умалишенную. — Просека-то есть. Только ты в своих шпильках там через полкилометра ноги оставишь. Лес — он не парк, девка. К ночи зверье шевелится, да и заплутать — раз плюнуть. Стой здесь, не дури.

Но Марию уже охватило то странное, упрямое нетерпение, которое часто посещает городских жителей, привыкших, что любая проблема решается нажатием кнопки. Ей казалось, что лес — это просто скопление деревьев, декорация, которую можно пройти насквозь. К тому же, внутри росло глухое раздражение на этот сломанный автобус, на грубого водителя, на саму ситуацию, которая не вписывалась в её идеальный график.

— Я справлюсь, — бросила она, поправляя сумку. — Я этот лес знаю.

Она сошла с асфальта на обочину. Первый же шаг погрузил её каблук в мягкую, чавкающую грязь. Мария поморщилась, вытирая обувь о пожухлую траву. Просека нашлась быстро — широкая полоса между деревьями, заросшая мелким кустарником и молодым малинником.

— Помоги, Господи, — вполголоса произнесла она, крестясь на темнеющее небо.

Это была привычка. Механический жест, призванный успокоить совесть. Она не просила Бога о защите, она уведомляла Его о своих планах, будучи уверенной, что Он обязан обеспечить ей безопасность в обмен на её «хорошее поведение».

Первые полчаса идти было даже приятно. Дышалось легко, а шум трассы, еще доносившийся сзади, создавал иллюзию связи с миром. Но постепенно звуки цивилизации растворились. Лес сомкнулся за её спиной.

И тут Мария впервые в жизни услышала Тишину.

Это не была тишина пустой квартиры или ночного офиса. Это была густая, вибрирующая тишина, наполненная шорохами, которые мозг отказывался идентифицировать. Треск сучка где-то в глубине чащи заставил её подпрыгнуть. Уханье совы показалось криком грешника в аду. Ветер, запутавшийся в верхушках вековых елей, издавал протяжный, заунывный стон.

Мария прибавила шаг. Сумочка больно била по бедру. В ней лежал тот самый дорогой платок, купленный сегодня — шелковый, нежный, совершенно неуместный в этом царстве гнили и хвои. Ветки берез, точно костлявые пальцы, цеплялись за волосы, сбивая аккуратную укладку.

— Ничего, скоро выйду, — шептала она, чувствуя, как паника ледяным ужом вползает в душу. — Еще немного. Бог не оставит. Я ведь... я ведь свечи ставлю. Я к Матронушке ездила.

Она попыталась вспомнить «Отче наш», но слова путались. В голове всплывали только строчки из рабочих отчетов и рекламные слоганы. Вера, которая в золоченом полумраке собора казалась такой прочной и величественной, здесь, наедине с равнодушной мощью природы, вдруг истончилась, превратившись в прозрачную пленку.

Темнота сгущалась стремительно, словно кто-то разлил чернила. Просека стала неразличимой, и Мария поняла, что уже минут десять идет просто по наитию, продираясь сквозь густой подлесок. Она остановилась, тяжело дыша. Вокруг не было ни единого ориентира. Только черные стволы, похожие на решетку бесконечной клетки.

Холод стал враждебным. Он больше не просто «бодрил», он начал высасывать жизнь. Мария достала телефон. Экран вспыхнул ослепительно ярко, на мгновение ослепив её. «Нет сети». Заряд — 14%.

В этот момент она почувствовала себя бесконечно маленькой. Не «ведущим логистом», не «красивой прихожанкой», а просто куском теплой плоти в холодном, чужом пространстве.

И вдруг где-то впереди, совсем близко, раздался звук, от которого кровь в её жилах застыла. Это не был треск ветки.

Это был голос. Низкий, хриплый, сорванный на крик, а затем — тяжелый, захлебывающийся кашель.

Мария замерла, вжавшись в ствол старой ели. Сердце колотилось в горле, мешая дышать. Она хотела крикнуть, позвать на помощь, но инстинкт, проснувшийся в глубине её городского сознания, приказал ей молчать. И этот инстинкт оказался прав.

Через секунду лесную мглу прошил сухой, короткий хлопок. Выстрел.

Мир Марии, с его латте, шелковыми платками и уютными молитвами, перестал существовать в ту же секунду. Началась реальность, в которой у Бога не просят комфорта. В которой у Бога просят только одного — еще одного вдоха.

Глава 3. Выстрел

Звук выстрела в лесу не похож на киношный. В фильмах он звонкий, театральный, за ним следует героическая музыка. Здесь же он был сухим, плоским и окончательным, словно кто-то с нечеловеческой силой хлопнул в ладоши или переломил вековую кость. Звук ударился о стволы елей, запутался в мокрых лапах и затих, оставив после себя оглушительный вакуум.

Мария замерла. Её сердце, казалось, перестало биться, а потом пустилось вскачь, ударяя в ребра тяжелым молотом. Она не дышала. Воздух застрял в горле комом холодной ваты. В нескольких десятках метров впереди, сквозь частокол деревьев и сизые сумерки, проступили человеческие силуэты.

Она должна была бежать. Мозг, еще не до конца осознавший реальность смерти, подавал слабые сигналы к отступлению, но тело превратилось в чужой, ооченевший предмет. Колени дрожали так мелко и неумолимо, что она была вынуждена сползти по стволу дерева, вжимаясь спиной в грубую, сочащуюся смолой кору.

Сквозь заросли малинника она увидела поляну — небольшое плешивое пятно среди бурелома. Там стояли двое. Один — высокий, в длинной кожаной куртке, лицо которого было скрыто капюшоном. Другой — грузный, в камуфляже, стоял к Марии спиной. Между ними на коленях, уткнувшись лбом в мох, лежала третья фигура.

— Ты думал, в лесу концы спрячешь? — Голос того, что в куртке, был лишен эмоций. Он звучал буднично, как голос менеджера, обсуждающего сорванные сроки поставок. — Ты, Глеб, всегда был сказочником. Думал, обманешь систему?

Тот, что лежал на коленях, что-то засипел. Звук был страшным — клокочущим, влажным. Мария видела, как под его головой на мху расплывается черное пятно. Оно не было красным, в этой мгле кровь выглядела как пролитая нефть.

— Помилуй... — донеслось до Марии.

Это слово, «помилуй», которое она сотни раз слышала в храме, которое сама произносила нараспев в составе стройного хора «Господи, помилуй», здесь прозвучало чудовищно. Это не было молитвой. Это был предсмертный хрип загнанного животного, лишенный всякой надежды.

— Бог помилует, — равнодушно отозвался человек в капюшоне. — А у нас дебет с кредитом не сходится.

Второй мужчина, в камуфляже, медленно поднял руку. В кулаке тускло блеснула вороненая сталь пистолета. Мария зажмурилась. Она хотела заткнуть уши, но руки не слушались. Она начала быстро-быстро креститься, но пальцы попадали мимо лба, тыкаясь в щеки, в губы.

«Господи, это не со мной. Этого не бывает. Я просто иду к маме. Я просто купила платок. Пожалуйста, пусть это закончится, я проснусь, я буду стоять в офисе...» — мысли бились в черепной коробке, как испуганные птицы.

Снова хлопок. И тишина.

Мария открыла глаза. Фигура на коленях больше не шевелилась. Она просто опала, став частью лесного ландшафта, еще одной кочкой в этом бесконечном болоте. Убийцы не суетились. Тот, что в камуфляже, спокойно убрал пистолет и сплюнул.

— Труп в яму скинь, листвою закидай. И пошли, машина у просеки ждет. Игорь где-то там еще одного «потеряшку» ловит. Если этот щенок тоже накосячит — ляжет рядом.

Мария почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота. Едкий желудочный сок обжег пищевод. Она инстинктивно прикрыла рот ладонью, боясь, что её вырвет и звук выдаст её убежище. В этот момент она впервые осознала пропасть между своей «красивой» верой и этим миром. Её Бог был Богом золоченых иконостасов, Богом чистых рук и добрых помыслов. А здесь царил другой бог — бог свинца, сырой земли и абсолютной, ледяной безнаказанности.

Она видела, как двое мужчин начали отгаскивать тело. Сухой хруст веток под их ногами казался ей громом.

Вдруг сзади нее, совсем близко, раздался другой звук. Шорох шагов. Кто-то шел не со стороны поляны, а прямо на неё.

Мария попыталась вжаться в ель, слиться с тенями. Страх перешел в новую стадию — парализующий холод сменился животным, горячим желанием исчезнуть. Она увидела тень. Высокий, мощный силуэт двигался бесшумно, как призрак. На плече человека висело что-то длинное — ружье или винтовка.

Это был не один из тех двоих. Это был кто-то третий.

Мария зажмурилась так сильно, что перед глазами поплыли красные круги. Она начала шептать — одними губами, без звука: — Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его... Да воскреснет Бог...

Она не знала окончания молитвы. Слова вымыло из памяти ужасом. Она просто повторила это начало, как заклинание, как щит, который должен был защитить её от пули. Но лес не слышал её. Лесу было всё равно.

Тень остановилась прямо за её деревом. Мария чувствовала запах — тяжелый запах табака, пота и старой оружейной смазки. Она задрожала всем телом, и в этот момент её брэндовая сумочка соскользнула с колен, с негромким, но отчетливым стуком ударившись о корень.

Внутри что-то звякнуло — флакон дорогих духов или ключи от городской квартиры.

— Попалась, — раздался над её головой низкий, хриплый голос.

Мария не успела даже вскрикнуть. Огромная, мозолистая рука в грубой перчатке накрыла её рот, намертво прижимая голову к стволу. Вторая рука мертвой хваткой вцепилась в её предплечье. Она попыталась вырваться, забилась, как рыба на крючке, но хватка была железной.

— Тише, дура, — прошипел голос прямо ей в ухо. — Если хочешь жить — не дыши. Те двое еще не ушли.

Мария замерла. Она посмотрела вверх и встретила глазами с незнакомцем. В полумраке она увидела лишь суровый, обветренный лик, заросший густой щетиной, и глаза — холодные, серые, как балтийское небо в шторм. В них не было сострадания. В них была только усталость и какая-то древняя, выжженная пустота.

Это был Андрей. И в этот миг Мария поняла: её прошлая жизнь окончательно мертва, а нынешняя теперь полностью зависит от этого угрюмого человека, который держал её так, будто она была не женщиной, а просто случайным препятствием на его пути.

Глава 4. Железная хватка

Рука, закрывавшая рот Марии, пахла не только табаком и оружейным маслом. От неё веяло нестерпимым, первобытным холодом, какой бывает у человека, слишком долго живущего в одиночестве. Мария не видела его лица полностью, но чувствовала, как от этого мужчины исходит тяжелая, почти осязаемая угроза. Она попыталась дернуться, но чудовищная сила прижала её голову к еловой коре так, что в шее что-то хрустнуло.

— Тихо, — выдохнул голос над самым её ухом. — Сказал же: не дыши.

На поляне, где только что свершилось убийство, послышались голоса. Те двое закончили возиться с телом. — Вроде всё, — донеслось из-за деревьев. — Пошли к просеке, пока совсем не стемнело. Игорь должен был перехватить сумку у старого моста. Если его там нет — значит, свалил. — Свалит он, как же. У него пуля в боку, далеко не упрыгает.

Послышался тяжелый шаг по мокрому мху, хруст сучьев, а затем всё стихло. Только капли затяжного дождя продолжали мерно стучать по пожухлым листьям.

Незнакомец не отпускал её еще несколько минут. Мария чувствовала, как по позвоночнику стекает холодный пот. Каждое её содрогание пресекалось коротким, жестким давлением ладони. Она смотрела в землю, где в нескольких сантиметрах от её ботинка лежала раскрытая сумочка и тот самый небесно-голубой шелковый платок, вывалившийся на грязную хвою. Он выглядел здесь как инопланетный объект, как плевок цивилизации в лицо вечности.

Наконец, давление ослабло. Мужчина убрал руку, но тут же схватил её за локоть, рывком поднимая на ноги.

— Вставай. Живо. — Кто вы?.. Пожалуйста... — голос Марии сорвался на сиплый шепот. Ноги были ватными, они отказывались держать её. — Тот, кто не дал тебе сдохнуть в ближайшей канаве, — отрезал он.

Он был огромен. Широкие плечи, старая куртка-штормовка, за спиной — охотничье ружье. Его лицо, изборожденное глубокими морщинами, казалось высеченным из того же гранита, что и валуны в этом лесу. Глаза Андрея — а это был именно он — смотрели на Марию не с сочувствием, а с каким-то брезгливым недоумением, как смотрят на нелепую вещь, которая мешает под ногами.

— Уходи отсюда, — пролепетала она, пытаясь обрести достоинство. — Я пойду... мне в поселок... — В поселок? — Андрей коротко, сухо усмехнулся, и эта усмешка была страшнее выстрела. — Там, на дороге, стоят их машины. Ты видела их морды. Теперь ты — свидетель. Свидетелей они живыми не оставляют. Ты для них — просто мусор, который нужно прибрать.

Он нагнулся, поднял её сумку, не глядя запихал в неё выпавший платок и швырнул ей в грудь. — Иди за мной. Шаг в шаг. Наступишь на сухую ветку — брошу. Будешь реветь — кляп вставлю. Поняла?

Мария кивнула, давась слезами. Весь её мир, где проблемы решались звонком в полицию или жалобой менеджеру, схлопнулся до этой железной хватки на её локте. Где был Бог? Она искала Его привычный образ — доброго дедушку с иконы, который должен был немедленно явить чудо и перенести её в уютную квартиру. Но небо над головой было черным и глухим. Казалось, молитвы застревают в густых кронах деревьев.

— Пожалуйста, я не могу так быстро... — простонала она, когда Андрей потащил её сквозь густой малинник. — Сможешь. Смерть быстро бежит.

Он вел её не по тропам, а через бурелом, выбирая самые непролазные места. Мария чувствовала, как ветки рвут её пальто, как грязь забивается в обувь, уничтожая дорогую кожу. Она спотыкалась, падала на колени, обдирая ладони до крови, но каждый раз чувствовала рывок за шиворот.

— Вставай, городская. Молись лучше ногами, а не губами.

Они шли уже около часа. Лес превращался в сплошную черную стену. Фонарик на телефоне Марии сел окончательно, и теперь единственным ориентиром была широкая спина Андрея, мерцающая в слабом свете луны, изредка проглядывающей сквозь тучи.

Внезапно Андрей остановился так резко, что Мария врезалась в него. Он поднял руку, призывая к тишине. Из темноты впереди донесся не то стон, не то хрипкое рычание. Андрей плавно снял ружье с предохранителя. Этот звук — сухой механический щелчок — отозвался в сердце Марии ледяным холодом.

В нескольких метрах от них, под поваленным деревом, копошилось что-то темное. В тусклом свете стало видно человеческую фигуру. Человек полулежал в луже грязной воды, зажимая живот руками. Между пальцев у него толчками выходила темная кровь.

— Помогите... — выдохнул раненый. Это был совсем молодой парень, почти мальчишка, с побелевшим от шока лицом. — Андрей... это ты? Дядь Андрее-ей...

Андрей подошел ближе, направив ствол в грудь парню. Его лицо не дрогнуло. — Игорь? — голос мужчины был полон ледяного презрения. — Так это ты ту сумку скинул? Крысить решил у своих?

— Они бы меня убили... — парень зашелся в кашле, и на губах выступила розовая пена. — Я просто хотел... просто уйти... Помогите, а? Ты же охотник... ты знаешь, как...

Андрей молчал. Он смотрел на раненого так, будто перед ним был подстреленный волк, который только зря переводит воздух. Мария, стоявшая позади, почувствовала, как внутри неё пробуждается что-то, чего она не ожидала от себя сама — смесь ужаса и остатков той самой городской морали, которую она считала христианским милосердием.

— Мы должны помочь ему! — выкрикнула она, делая шаг вперед.

Андрей обернулся к ней, и в его взгляде она увидела не просто равнодушие, а бездну. — Помочь? — тихо переспросил он. — Ему в живот попало из двенадцатого калибра. Он — покойник. А для нас он — лишний груз. С ним нас догонят через полчаса. Хочешь сдохнуть вместе с ним ради «христианской любви»?

Он снова повернулся к Игорю и поднял ружье выше. — Лежи тихо, парень. Может, волки быстрее найдут, чем твои дружки.

Мария смотрела на этого огромного человека и понимала: прямо сейчас, здесь, решается что-то гораздо более важное, чем её жизнь. Её «внешняя» вера столкнулась с реальностью, где милосердие стоит жизни. И впервые в жизни ей стало по-настоящему страшно не за свою плоть, а за то, что останется от её души, если она сейчас промолчит.

— Нет, — твердо сказала она, хотя голос дрожал. — Если мы его бросим, мы ничем не лучше тех, на поляне. Вы ведь человек, Андрей. Вы же человек...

Андрей медленно опустил ружье и посмотрел на Марию так, будто впервые увидел. — Человек? — он горько усмехнулся. — Ошибаешься, девочка. Я давно уже просто кусок мяса, который умеет стрелять. Но если хочешь поиграть в спасительницу — готовься. Нести его будешь ты.

Глава 5. Лишний груз

Дождь перешел в ту стадию, когда он перестает быть просто погодным явлением и становится средой обитания. Он пропитывал всё: шерсть пальто Марии, которое теперь весило пуд, её волосы, и, казалось, даже мысли. Но здесь, под вывороченным корнем гигантской ели, пахло не дождем. Здесь пахло ржавчиной, кислым потом и тем густым, приторным душком, который исходит от разверстой плоти.

Игорь хрипел. Его пальцы, испачканные в липкой грязи, судорожно скребли мох, пытаясь найти опору, которой не было. В тусклом свете, пробивающемся сквозь кроны, его лицо казалось гипсовой маской — белым, неподвижным, с глубокими провалами глаз.

— Ты посмотри на него, — голос Андрея звучал ровно, и в этой ровности было что-то демоническое. — Он не жилец. Пуля в животе — это билет в один конец. Кишки порваны, заражение уже пошло. Через пару часов он начнет выть так, что его услышат на той стороне болота. А нам нужно идти быстро. Очень быстро.

Мария смотрела на раненого парня. Ей было дурно. В её аккуратном мире страдание всегда было упаковано в стерильные бинты или спрятано за дверями больничных палат, куда заходят с пакетом апельсинов и сочувственной миной. Она никогда не видела, как человек умирает в грязи.

— Мы не можем... мы не имеем права его бросить, — она сама удивилась тому, как жалко и тонко прозвучал её голос. — «Не имеем права»? — Андрей сделал шаг к ней, возвышаясь над ней всей своей мощью. — Девочка, право здесь только одно: право сильного выжить. Те, кто его подстрелили — его же «братья». Они сейчас идут за нами. Ты понимаешь, что он — якорь? Он потащит нас на дно. Если я оставлю его здесь, у нас есть шанс. Если возьмем — содохнем все трое. Твой Бог учил тебя самоубийству?

Мария задохнулась от возмущения, которое было вызвано не столько верой, сколько привычным, городским чувством справедливости. Она вспомнила свои походы в храм, уютный треск свечей и ту легкую радость, с которой она подавала нищим на паперти десятку, чувствуя себя почти святой. — Есть заповедь... «Не убий». Если мы уйдем, мы его убьем! — Я его не убивал, — отрезал Андрей. — Его убила его собственная жадность и та пуля. Я просто выбираю целесообразность.

Он развернулся и подхватил свой рюкзак. — Пошли. Я не собираюсь из-за одного щенка подставлять свою шею. И твою, кстати, тоже. У тебя мать в Ключах ждет? Вот и думай о ней, а не о том, кто сам выбрал свою дорогу в ад.

Игорь, услышав это, внезапно открыл глаза. В них плескался такой первобытный, черный ужас, что Мария невольно отшатнулась. — Не надо... — прошептал парень. — Дядь Андрей, не кидай меня... я всё скажу... где сумка... где деньги... только не в лесу... одному... Господи...

Это «Господи» резануло Марию сильнее, чем хрип. Она вдруг поняла: если она сейчас сделает этот шаг вслед за Андреем, та Мария, которая покупала шелковые платки и улыбалась в зеркало, умрет навсегда. Останется только оболочка, спасшая плоть, но потерявшая что-то невидимое и бесконечно ценное.

— Я не пойду без него, — сказала она. Она сама не узнала свой голос — в нем появилось новое, ломкое, но острое как бритва упрямство. — Слышите? Я не сделаю ни шага.

Андрей медленно обернулся. В его глазах вспыхнул опасный огонек. Он подошел к ней вплотную, так что она почувствовала жар его тела и холод ствола ружья, висящего на плече. — Ты думаешь, это кино? Думаешь, я буду тебя уговаривать? Я могу просто вырубить тебя и оттащить на пару километров, а когда очнешься — будет уже поздно.

— Сделайте это, — Мария смотрела ему прямо в глаза, хотя сердце её уходило в пятки. — Сделайте. Но знайте, что вы — убийца. И никакая логика выживания вас не оправдает. Вы боитесь Бога, Андрей? Вы поэтому так злитесь?

Мужчина замер. Его челюсти сжались так, что на скулах заиграли желваки. Тишина леса навалилась на них, тяжелая и влажная. Игорь на земле застонал — длинно, мучительно, переходя на тонкий скулеж.

— Дура, — выплюнул Андрей. — Какая же ты непроходимая, городская дура.

Он резко сбросил рюкзак, выхватил из-за пояса нож и подошел к парню. Мария вскрикнула, закрыв лицо руками, ожидая удара милосердия, но услышала только треск рвущейся ткани. Андрей кромсал штанину Игоря, обнажая рану.

— Помогай, — буркнул он, не оборачиваясь. — Хватай его за плечи, чтобы не дергался. Сейчас будем делать перевязку из твоего хваленного милосердия. И приготовься — нести его будем по очереди. Но если я пойму, что они дышат в затылок — я пристрелю его сам. И тебя спрашивать не стану. Поняла?

Мария кивнула, глотая слезы. Она подошла к раненому, чувствуя, как её тошнит от вида черной крови, пузырящейся на животе парня. Её руки, привыкшие к клавиатуре и сенсорным экранам, впервые коснулись чужой, липкой и горячей боли.

— Держи крепче! — скомандовал Андрей.

Мария вцепилась в куртку Игоря. Она смотрела на свои перепачканные пальцы и вдруг поняла: её «чистая» вера закончилась. Начиналось что-то совсем другое, страшное и настоящее. То, чему не учат в воскресных школах.

Где-то далеко, за пеленой дождя, взревел мотор внедорожника. Охота продолжалась. И теперь их было трое.

Глава 6. Первый ночлег

Ночь в октябрьском лесу — это не отсутствие света. Это тяжелая, осязаемая субстанция, которая затекает в легкие, липнет к коже и вымывает из человека остатки надежды. К полуночи дождь сменился ледяной крупой, которая с сухим шелестом билась о хвою.

Андрей нашел место для стоянки в глубоком овраге, под прикрытием поваленного бурей дуба. Его корни, вывороченные с корнем, образовали некое подобие козырька. Это было ничтожно малое укрытие, но выбрать не приходилось.

— Клади его здесь, — бросил он, кивая на узкую полоску сухой земли под стволом.

Мария, чьи плечи горели огнем от веса Игоря, которого они несли последние два часа, почти упала вместе с парнем. Она тяжело дышала, а изо рта вырывались облачка пара. Пальцы, испачканные в чужой крови и лесной грязи, не разгибались. Она посмотрела на Игоря — тот был в забытьи, губы его посинели, а дыхание стало прерывистым и свистящим.

Андрей действовал методично и быстро. Он не тратил силы на слова. Собрав немного сухих веток в глубине завала, он достал коробок спичек.

Чирк. Темнота на мгновение отступила, явив его жесткое, вырубленное из камня лицо, но головка спички отсырела и просто обломилась. Чирк. Еще одна. Третья спичка вспыхнула, осветив дрожащие руки Марии, но порыв ветра из оврага слизнул крохотное пламя.

— Никак, — глухо выдохнул Андрей.

Мария наблюдала за ним с нарастающим ужасом. В её представлении огонь всегда появлялся по мановению руки — щелчок конфорки, зажигалка в сумочке, восковая свеча, легко принимающая пламя от лампы. Она никогда не думала, что от одной маленькой щепки может зависеть, доживут ли они до рассвета.

— Андрей... — позвала она тихо. — У меня в сумке есть платок. Шелк. Он сухой. Может, он загорится быстрее?

Мужчина поднял на неё глаза. В них на мгновение мелькнуло что-то похожее на иронию, но тут же погасло. — Давай свой платок. Все равно через день он станет тряпкой для гноя.

Мария достала из сумки сверток. Небесно-голубой шелк, ручная роспись, семь тысяч рублей. Она помнила, как выбирала его в лавке, думая о том, как красиво он будет смотреться в лучах паникадила. Теперь она протягивала его человеку, который собирался его сжечь. Она почувствовала мимолетный укол жалости к вещи, но тут же устыдилась: рядом умирал человек, а она думала о ткани.

Шелк занялся неохотно, зашипел, свернулся черными краями, но все же передал жар тонким веточкам. Маленький огонек начал лизать кору.

— Не спи, — приказал Андрей, усаживаясь спиной к корню и кладя ружье на колени. — Будешь следить за ним. Если начнет метаться — прижми к земле. И не вздумай молиться вслух, шепот в лесу далеко слышно.

— Почему вы так ненавидите молитву? — спросила Мария, кутаясь в пальто, которое больше не грело.

Андрей посмотрел на пламя. — Я видел слишком много людей, которые звали Бога, когда им выпускали кишки. Бог не пришел ни к одному. А вот патроны и крепкие ноги помогали чаще. Твоя вера, девочка, — это сахарная пудра на гнилом пироге. Пока тебе тепло и сыто, ты веришь. А сейчас? Посмотри на свои руки. На них кровь бандита. Где твоя чистота? Где твой розовый мир?

Мария посмотрела на свои ладони. Грязь забила под ногти, кровь Игоря засохла коричневой коркой. Она чувствовала себя оскверненной. Ей хотелось плакать, но слез не было — только сухая, саднящая пустота в груди. Она попыталась вызвать в памяти образ Богоро-

дицы, но перед глазами стояло лицо того убитого на поляне человека и равнодушный затылок Андрея.

— Я все равно верю, — упрямо прошептала она, хотя голос её дрожал.

— Верь, — безразлично отозвался он. — Только тихо. И держи его за руку, он остывает.

Мария подвинулась к Игорю. Парень бредил. Его пальцы судорожно вцепились в её рукав. — Мама... не надо... я не хотел... там в сумке... они меня найдут... — бормотал он, заходясь в тихом, свистящем кашле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.